Как лепестки для солнца. Часть 1.

Рэй Брэдбери забыл написать свою фамилию.

Это была единственная причина, по которой я сидела в уединенной нише в баре в Филадельфии с Генри. Фамилия Рэя отсутствовала в этом подписанном экземпляре первого издания «451 градус по Фаренгейту», его печально известного романа об антиутопическом американском обществе, где книги сжигаются, а критическое мышление объявлено вне закона.

В 1953 году он подписал первые пятьдесят экземпляров «451 градус по Фаренгейту» и переплел их асбестом — для защиты от огня.

И в этом экземпляре, в этом единственном экземпляре, просто было написано «Рэй», а не «Брэдбери».

Что делало его не только интересным, но и редким. Выдающимся.

Мы с Генри никогда не узнаем роковой причины — стук в дверь, заблудшая мысль, синяя птица в окне и что-то ещё, что заставило автора закрыть копию своего шедевра, не закончив.

Какой бы ни была причина, она привела нас сюда: удивленных тем, чего мы достигли, спасая потерянное.

«Я не могу перестать смотреть на неё», — прошептала я, наши головы столкнулись, когда мы уставились на планшет перед нами, загруженный фотографиями нашей восстановленной книги. Сама рукопись уже вернулась в «Шифр», слишком ценная, чтобы лежать на барном столике, уставленном пустыми бокалами и скомканными салфетками. Но до того, как мы сделали эти фотографии, я наблюдала, как Генри перелистывал страницы романа с чем-то вроде благоговения.

«Её подписал автор, написавший одно из основополагающих произведений литературы», — сказал Генри, постукивая пальцем по чернилам на экране. «В то время он понятия не имел, насколько знаменитой станет эта книга. Как жизненно».

«Она одна из твоих любимых, не так ли?» поддразнила я, подталкивая его плечо своим. Когда он поднял взгляд, его улыбка была довольно ослепительной. Генри проработал в «Шифре» все шесть месяцев, и все это время он был тихим и серьезным. Но мы оба выпили по три бокала и были на пике адреналина.

«Я прочитал эту книгу в старшей школе, и она изменила ход моей жизни», — сказал он. «Я не мог перестать думать о мире без книг. Какой пустой была бы наша жизнь».

«И кто-то имел наглость украсть её» сказала я, чувствуя знакомый гнев.

«Но мы вернули её, Дел» сказал он. «Мы вернули её».

Мы с Генри работали в секретной частной детективной фирме «Шифр», занимавшейся поиском украденных редких книг и рукописей. Известные организации по всему миру платили «Шифру» за то, чтобы они держали язык за зубами и выслеживали украденные книги быстро и незаметно, пока не вмешалось подразделение ФБР по краже произведений искусства. Украденные рукописи рисовали музеи и библиотеки в дурном свете, и не было причин пугать ваших жертвователей и коллекционеров, когда несколько сообразительных частных детективов

могли бы найти их первыми.

В мире, в котором мы работали, эта копия «451 градус по Фаренгейту» стоила немного: 267 000 долларов по последней оценке. Но её украли из библиотеки редких книг и рукописей Йельского университета, и главный архивариус был в ярости. Он подозревал, что это их новый сотрудник, временный архивариус по имени Шейла. Она была достаточно умна (и достаточно обучена), чтобы распознать ценность рукописи, когда увидела ее.

Но она не была преступным вдохновителем, разместив книгу для продажи на одном из многих сайтов с редкими рукописями, за которыми пристально следил «Шифр». Было слишком легко выдать себя за покупателя, и я взяла с собой Генри, чтобы проверить подлинность рукописи. Шейла легко отказалась от книги — у нас было достаточно информации, чтобы пригрозить ей сообщить о ней в ФБР.

Главное, что было общего между этими учреждениями, — это желание немедленно вернуть книгу, с соответствующим наказанием или без него.

«Шифру» всегда платили за то, чтобы он смотрел в другую сторону.

Хотя известно, что наш босс Абрахам также делился анонимными советами с ФБР после того, как мы закрыли дело.

«Всегда так?» спросил Генри, встретившись с моими темными глазами.

«Для меня так» сказал я. «Я здесь уже два года, и это чувство никогда не застаивалось во мне. Я чувствовала нечто подобное, когда работала детективом в отделе краж. У меня настоящая склонность к поиску пропавших вещей. Это ощущение правильного щелчка на месте. Но это…» Я снова постучала пальцем по экрану. «Это всегда даже лучше».

Генри покачал головой, улыбка продолжала озарять его лицо. «За все годы работы библиотекарем редких книг мне выпала честь ухаживать за рукописями, которые на сотни лет старше этой подписанной Брэдбери. Но держа её сегодня вечером, считая страницы, думая о возвращении этого романа в свой законный дом, я никогда не чувствовал себя более живым».

Я кивнула головой, сжимая пальцами бокал с вином. Когда я поднесла его к губам, его взгляд на мгновение остановился там. «Я думаю, это то, что меня больше всего бесит в краже редких книг. Взять прекрасное литературное произведение, которое по праву принадлежит публике, и продать тому, кто больше заплатит».

«Я тоже так чувствую, — сказал он. Генри сделал паузу, внезапно смутившись. — Могу я угостить тебя еще выпивкой?»

Я уже была навеселе, прижимаясь к моему красивому коллеге в баре таверны, построенной в 1773 году. В шепчущей истории этих стен прятались нотки магии. Безрассудный дух был в приглушенном воздухе.

«Конечно» сказала я.

Я рисковала.

Мои последние два года в «Шифре» были самыми счастливыми в моей жизни — это была работа, на которой я могла совмещать свою любовь к детективам с безудержным увлечением книгами. По-настоящему лучшее из обоих миров.

А потом я встретила Генри. В тот день, когда он вошел в наш офис, я была уверена, что действительно потеряла сознание у кофеварки. Генри Финч был нанят в качестве нашего нового эксперта, библиотекаря редких книг, получившего образование в Оксфорде. Свободно владеет тремя языками. Блестящий и совершенный.

И единственное слово, которое я могла придумать, чтобы описать его, было «лихой». Генри был выше шести футов ростом, носил твидовый пиджак и очки в роговой оправе. У него была смуглая черная кожа, коротко подстриженные кудри и неуверенная улыбка, от которой мое сердце трепетало.

За всю свою жизнь я не видела более красивого мужчину.

В тот день его ладонь крепко и уверенно скользнула по моей. «Очень приятно познакомиться с тобой, Делайла», — сказал он, мое полное имя звучало в его устах греховно. «Я с нетерпением жду начала совместной работы».

С тех пор мои дни в «Шифре» изменились.

У Авраама было только одно управленческое правило: никаких братаний между коллегами. На самом деле нас было только четверо: Эйб, Фрейя, я и Генри. Мы работали в стрессовых, иногда опасных ситуациях, и единственное, что могло отвлечь человека во время работы, — это фантазии о горячем, страстном сексе с их блестящим, лихим коллегой.

И я знала, к чему может привести выпивка с Генри. Потому что я сделала тоже самое, когда была детективом, и поплатилась за это.

И все же я была здесь, выпивала с Генри.

http://erolate.com/book/302/13603